

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности

Введение

По примеру наипервейшей Истины[[I] – Первейшая истина – Иисус Христос, который говорил о себе: «Я есмь путь и истина и жизнь (Ин, 14, 6; см. также Ин, I, 17).], свет которой он делает доступным для нас, св. Фома Аквинский не взирает на лица: он приглашает на пир мудрости как учеников, так и учителей, как мастеров, так и подмастерьев, как деятелей, так и созерцателей, людей строгих правил и жизнелюбов, поэтов, художников, ученых, философов, да что я говорю – людей с улицы, наряду со священниками и богословами, лишь бы они готовы были слушать. И его учение является перед нами исполненным такой мощи и чистоты, что оно может воздействовать не только на возвращенную в семинариях элиту посвященных, которой следовало бы внушать мысль о ее постоянной огромнейшей интеллектуальной ответственности, но и на мир культуры в целом; дабы вновь привести в порядок человеческий рассудок и таким образом, с Божией помощью, вернуть мир на пути Истины, чтобы он не погиб, оттого что более не знает ее.

Глава I

Зло, от которого страдает современный мир, это прежде всего зло, касающееся разума: оно зародилось в разуме, а ныне завоевало разум до самых его корней. Что удивительного в том, что мир представляется нам окутанным тьмой? *Si oculus tuus fuerit nequam, totum corpus tuum tenebrosum erit*[[II] – «Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф 6 13).] Подобно тому, как вместе с грехопадением расстроилась гармония человеческого существа, поскольку был нарушен порядок, которого жаждет разум, подчиненный Богу, так и в основе всех наших неурядиц мы видим изначально и прежде всего измену разума своему высшему предназначению. И здесь огромна вина философов. В XVI веке, и особенно во времена Декарта, когда разрушалась внутренняя иерархия добродетелей разума, философия отделилась от богословия, чтобы потребовать себе титул высшей науки, а математическое изучение чувственного мира и его явлений стало теснить метафизику, человеческий разум начал говорить о своей независимости по отношению к Богу и к бытию; по отношению к Богу – значит по отношению к тому, кто выше всякого разума, что отныне признается лишь скрепя сердце. Затем человеческий разум откажется от внутреннего, сокровенного знания, даваемого сверхъестественным путем через благодать и откровение; по отношению к бытию – значит по отношению к тому, что одной природы с разумом как таковым, и он перестает себя скромно соизмерять с ним и начинает выводить его из геометрической ясности, воображая ее прирожденной разуму.

Мы, вследствие нашей материальности, едва в состоянии понять, что нарушение позиций разума по отношению к своему объекту имеет ужасающие последствия, сопряженные с кровью и слезами; мы с трудом можем представить масштаб разрушений, всю огромность происшедшей невидимой катастрофы, стоящей за этими словами. Мышление! Эта «божественная» деятельность, как говорил Аристотель, это чудо света и жизни, эта слава и это высшее совершенство сотворенной природы, с чьей помощью мы делаем все нематериальным, с чьей помощью мы однажды обретем наше сверхъестественное блаженство, от нее здесь на земле идут все наши действия, вся человеческая деятельность, и от нее зависит правильность всего, что мы делаем. Вообразите же, чем может обернуться для человека нарушение этой жизни, соучастницы божественного света, что оно несет с собой? Революция, которая была начата Декартом и продолжена философами XVIII и XIX вв., только то и сделала, что высвободила разрушительные силы, действовавшие всегда в разуме детей Адамовых, и это стало бесконечно более мощным катаклизмом, чем самые страшные землетрясения или национальные экономические катастрофы.

Кроме того, непокорный объекту, Богу, бытию, разум становится, так или иначе, непослушным и человеческому духовному влиянию, он бунтует против всякой традиции и духовной преемственности. Он ограничивается и замыкается в себе, делая индивида необщительным. И если подумать о том, что *docibilitas*, способность к обучению, есть существенное свойство сотворенного разума, в большей степени, чем сами животные качества, включающие способность к подражанию и подготовку к мышлению, – а Аристотель классифицировал животных по этому критерию, ставя на низшую ступень тех, кто не поддается обучению, – если поразмыслить также, что *docibilitas* – это наша истинная основа способности к жизни в обществе, а человек есть прежде всего животное политическое, потому что нуждается в других, чтобы прогрессировать в спекулятивной и практической деятельности разума, что является его особенным трудом, то приходится сделать вывод, что, с одной

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org стороны, утрачивая свою способность к целенаправленному обучению, к просвещению, разум в современную эпоху двинулся в направлении жесткого очерствения и постепенного ослабления способности к рассуждению, а с другой стороны, наиболее глубокие и в то же время наиболее человеческие связи и общественная жизнь обречены в силу неизбежного воздействия на них на постепенный распад.

На том этапе эволюции, которого достигло мышление со времени больших перемен, вызванных картезианской реформой, можно выделить три главных симптома зла, которое сегодня поразило разум до самых его оснований. Разум надеется утвердить себя, отрицая, как не соответствующие научному знанию, не только богословие, но и метафизику, отвергая познаваемость Первопричины и нематериальных реальностей, культивируя более или менее утонченное сомнение, наносящее вред одновременно пониманию смысла и принципов рассуждения, то есть того, от чего зависит для нас всякое знание. Это высокомерное уничтожение человеческого познания мы назовем одним словом: агностицизм.

В то же время, разуму неведомы права наипервейшей Истины, он отрицает сферу сверхъестественного, которую считает невозможной – и тем самым отрицает вся благодатная жизнь. Назовем это одним словом: натурализм.

Наконец, разум позволяет увлечь себя мифической концепции человеческой природы, которая приписывает этой природе состояния, присущие чистому духу, предполагает, что в каждом из нас эта природа столь же совершенна и чиста, как и природа ангела, а потому отныне требует для нас как принадлежащих нам по праву полного господства над природой, и той автономии высшего порядка, той самодостаточности, той *antarcēia* [III] – Автаркия, автономия (греч.), которая подобает чистым формам. Это то, что можно, если придать слову его самый полный метафизический смысл, назвать индивидуализмом, а еще точнее – ангелизмом. Последний термин находит свое подтверждение в соображениях как исторических, так и доктринальных, ибо именно в картезианском смешении человеческой души с чистым духом, как и в Лейбницево смешении субстанции, какова бы она ни была, с ангельской монадой, коренится современный индивидуализм, здесь он находит свои идейные истоки и свой метафизический образец.

Я думаю, что эти три большие ошибки являются симптомами воистину радикального зла, ибо они гнездятся в самом корне, в тройственном корне нашей жизни – в разуме, религии и нравственности.

Сначала эти ошибки имели скрытый, замаскированный характер, они были чисто духовными намерениями. Они и сейчас такие же, гнетущие, повсеместно распространенные. Все их видят и чувствуют, потому что через разум их убийственное жало проникло в самую плоть человеческую.

Заметим также, что этими ошибками поражены как раз чистота естественного разума, простота глаза, если выразиться в стиле Евангелия, прирожденная правильность здравого смысла. Странная судьба у рационализма! Мы освободились из-под всякого контроля, чтобы завоевать мир и все подчинить разуму. И вот, в конце концов, отвергаем реальность, не осмеливаемся более служить идеям, чтобы примкнуть к бытию, запрещаем себе что-либо знать помимо осязаемого факта и феномена сознания, любой объект мысли растворяем в большом и подвижном желе, именуемом Становлением или Эволюцией, считаем варваром каждого, кто по наивности не подвергает сомнению изначальные принципы и всякое разумное доказательство, попытку мышления или логического рассуждения заменяем какой-то утонченной игрой инстинкта, воображения, интуиции, внутренних потрясений, не смеем более высказывать суждения.

2. Итак, важно понять его, это зло, которое поражает разум и притом само же из него и происходит; ничто, что ниже разума, не может его излечить, это может сделать лишь сам разум, выздоровев. Если не будет спасен разум, нельзя будет спасти ничего. Даже будучи больным, каким он сегодня является, он, тем не менее, все еще скрывает в своих глубинах существенную жизненную силу, которую ничто не может поразить или испортить и которая все еще в метафизическом плане остается самой большой возможностью человеческого существа. В силу неистощимости энергии его духовной природы даже самое радикальное влияние зла на него остается случайным, принадлежит его деятельности и не может проникнуть в его сущностную структуру. Именно тогда, когда зло проявляет себя наиболее открыто, укрепляется надежда на спасение: достаточно осознать зло, чтобы разум тотчас же восстал против него.

Наконец, без излишнего критицизма, следует сказать: мы стоим перед неизбежной необходимостью. Зло, от которого мы страдаем, проникло глубоко в человеческую субстанцию, оно причинило разрушения столь общего характера,

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org что все средства защиты, все внешние опоры, обеспечиваемые прежде всего устройством общества, его институтами, нравственной сферой семьи и местом ее обитания, опоры, чья прочность, в которой для блага людей столь сильно нуждаются наивысшие достижения культуры, если не разрушены, то, по крайней мере, сильно поколеблены. Все, что было человечески устойчивого, скомпрометировано, «горы скользят и подпрыгивают». Человек одинок перед безбрежным бытием и трансцендентным. Для природы человека эти условия ненормальны и в высшей степени опасны. Но, во всяком случае, именно это доказывает, что отныне все зависит от восстановления разума. Те метафизические истины, которые Паскаль находил слишком удаленными от чувств, свойственных людям, отныне являют собой единственное убежище и спасение для текущей жизни и самых насущных людских интересов. Дело не в том, чтобы спорить: «орел» или «решка». Дело в том, чтобы разобраться, что истинно, а что ложно, и обратиться к вечным ценностям. Попытки решения проблемы политическими и социальными средствами, на что в условиях всеобщего беспорядка провоцирует людей инстинкт самосохранения, обязательно приведут лишь к грубому и недолговечному деспотизму; они не породят ничего устойчивого, если разум не будет восстановлен. Движение за религиозное обновление, которое наблюдается в современном мире, будет прочным и действительно эффективным, только если будет восстановлен разум. Истина прежде всего, *veritas liberavit vos*[[IV] – Истина сделает вас свободными (Ин, 8, 32).]. Горе нам, если мы не понимаем, что теперь, как и при сотворении мира, Слово стоит в начале всего, что сотворил Бог.

Глава II

3. Какова самая поразительная особенность того, что есть у св. Фомы Аквинского самого высокого, самого божественного, самого действенного, какова самая поразительная особенность святости святого Фомы? «Для его святости характерно то, что св. Павел называет *sermo sapientiae*[[V] – Слово мудрости (лат.)] а также единство двух видов мудрости – врожденной и приобретенной...»[[1] – *Pie XI. Encicl. «Studiorum ducem».*] Скажем, что святость святого Фомы есть святость разума, и я хотел бы суметь показать существо реальности, содержащейся в этих словах.

Философия св. Фомы, не только лучше, чем какая-либо другая, отстаивает права и достоинство разума, утверждая его примат, врожденное превосходство перед волей, собирая под своим светом все иерархически упорядоченное разнообразие бытия, соотножествляясь, там, где она находится в чистом действии, с бесконечно святой природой живого Бога, наконец, в сфере практики постоянно напоминая нам о жизни человеческой, о том, что она, и прежде всего христианская жизнь, «лежит в основе разума», но кроме того, идя далее, сама святость Фомы Аквинского, его милосердие, его восхваление Иисуса совершается и сияет на вершине духа, в той жизни разума, о которой Аристотель сказал, что она лучше человеческой жизни, там, где действия человека граничат с действиями чистых форм. И именно оттуда изливается все в волнах света, вплоть до самых скромных возможностей сотворенного бытия. Поймем в этом смысле имя *Doctor angelicus*[[VI] – Ангельский доктор (*Doctor angelicus*) – звание, посмертно присвоенное Фоме Аквинскому Католической церковью.], столь справедливо присвоенное Фоме Аквинскому в весьма отдаленные времена. Св. Фома в этом смысле являет высочайший образец чистого интеллектуала, потому что интеллект – это его преимущественное средство служения Богу и любви к нему, потому что интеллект – это его жертва на алтарь восторженного поклонения Богу.

Его основной труд, который хорошо известен, по одобрению и ободрению, да что я говорю, по настоянию со стороны Папства определен на видное место в мире христианского сознания, обогащая его, совершенствуя и очищая от всего ненужного и вводя в него Аристотеля и всю естественную мудрость тех философов, которых Тертуллиан называл поденщиками славы. За это св. Фоме пришлось вести весьма суровую битву. Ибо если есть между Аристотелем и Евангелием, между человеческой мудростью, возросшей на почве Древней Греции, и откровением, снизошедшим с небес Иудеи, предустановленное согласие, которое само по себе является замечательным знаком, то, чтобы осуществить это согласие, чтобы претворить его в дело, торжествуя над препятствиями, воздвигаемыми несовершенной природой человека, нужна была не только зрелость цивилизации в эпоху св. Людовика[[VII] – Святой Людовик – король Франции (1226–1270) Людовик IX Святой.], нужна была также вся сила великого Немого Сицилийского Быка[[VIII] – Немой Бык, Сицилийский Бык – прозвища св. Фомы Аквинского, полученные им в годы обучения в Парижском университете за высокий рост, неповоротливость, полноту и редкое участие в дискуссиях.]. Как это хорошо понимал Паскаль, мы впадаем в ошибку прежде

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org всего именно из-за ограниченности нашего интеллекта, потому что мы не умеем охватывать одновременно истины, которые кажутся противоположными, а на самом деле дополняют друг друга. «Исключение» одной из них является «ересь» и вообще – ошибкой. Так называемые августинианцы XIII в., привязанные к писаниям их учителя, смешивавшие формальные объекты веры и разума, метафизической мудрости и мудрости святых, короче говоря, склонные к тому, что сегодня назвали бы антиинтеллектуализмом, что же они делали, в конце концов, если не отказывали в правах истине естественного порядка? Позже мы увидим, как эта тенденция привела к явной ереси Лютера с его нечеловеческой ненавистью к разуму. Аверроисты, фанатично преданные Аристотелю, искаженному арабами, не признававшие подлинного света и верховной власти веры и богословия, короче, склонные к рационализму, отказывали в правах сверхъестественной истине. И мы знаем слишком хорошо, куда эта тенденция должна была привести. Св. Фома сокрушал и тех, и других, и еще будет сокрушать, так как битва продолжается. И одновременно он закреплял с помощью определенных принципов рациональную основу того разделения и того согласия между сферами естественного и сверхъестественного, которые католической вере дороже зеницы ока и важнее для жизни мира, чем движение небесных светил и смена времен года.

Но эта битва на два фронта, против аверроистов и против устаревшей и отсталой схоластики, этот гигантский труд по внедрению Аристотеля в католическое сознание суть всего лишь проявления и знаки невидимой внутренней борьбы, еще более масштабной и поразительной: собственное творчество св. Фомы, труд, к которому он был приставлен самим Господом, состоял в том, чтобы верно направить самые гордые и неуступчивые силы, – силы духа, человеческий разум (я говорю о разуме во всем его богатстве и величии, со всей его спекулятивной мощью, логикой, наукой, искусством, во всем многообразии его жестоких качеств, укорененных в самом бытии), чтобы ввести человеческий разум, сохраняя его трезвость и не умаляя его нрав, в свет Христов, поставить его на службу Сыну Божьему, родившемуся среди волков и ослов. На протяжении веков все маги будут позади него.

Эти соображения позволяют нам, как мне кажется, увидеть нечто таинственное в самом призвании св. Фомы, весьма удивительном призвании, как было не раз отмечено. Ибо св. Фома, чтобы ответить на зов Бога, должен был оставить не светскую жизнь, а уже монастырь, не мир, а Монте – Кассино[[IX] – Монастырь Монте-Кассино – главный монастырь ордена бенедиктинцев. Расположен на середине пути из Рима в Неаполь на месте святилища Аполлона. Основан в 529 г. св. Бенедиктом. Объявлен национальным памятником.]. Это не то, что Церковь называет посрамлением светского платья, *ignominia saecularis habitus*, он оставил священную одежду бенедиктинцев[[X] – Орден бенедиктинцев был основан в начале VI в. св. Бенедиктом Иурсийским. В соответствии с Уставом ордена было предусмотрено постоянное пребывание его члена в монастыре, повиновение выборному аббату и общность имущества. Среди занятий видное место отводилось литературным трудам.], чтобы переодеться в белые одежды ордена св. Доминика[[XI] – Доминиканцы – члены нищенствующего монашеского ордена, основанного в, 1215 г. св. Домиником де Гусманом (Испания). Главной целью ордена считалась борьба против распространения еретических учений. Поэтому члены ордена готовились к полемическим дискуссиям, для чего требовалась большая теологическая подготовка. В результате члены ордена буквально заполонили все богословские кафедры в университетах, а затем подчинили своему влиянию и всю систему образования в Западной Европе. В 1233 г. инквизиция была фактически передана доминиканцам. Широко развернулась и миссионерская деятельность ордена, которая затем стала его многовековой традицией.]. Он не покидал погибельный мир ради самосовершенствования, а переходил с одного уровня самосовершенствования на другой, более трудный. Он должен был оставить дом св. Блаженного Бенедикта, у которого он, маленький облат[[XII] – Облат-человек, живущий в монастыре и предоставивший ему свое имущество (франц.).] в черной рясе, пожертвовавший свое имущество монастырю и живший в нем, прошел двенадцать степеней смирения[[2] – Согласно справедливому замечанию П. Петито, можно сказать, что св. Фома Аквинский, который велел читать ему ежедневно доклады Кассиана, всегда глубоко вникал в суть бенедиктинской духовности, столь мало рефлексивной, столь мало занимавшейся «психологией».] и у которого он, ослепший доктор, завершивший свой труд, попросит приюта перед смертью. И зная, что такова воля Господня, он настаивает на своем уходе со всем упорством своей негибимой воли.

Братья, мать, тюрьма, хитрость, насилие – ничто не властно над ним. Зачем такое упорство? Он должен был жить делами своего Отца. Что такое Бог? Он

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org должен научить нас шаг за шагом постигать дела божественные. И это то, о чем не могла слышать графиня Теодора[[XIII] – Графиня Теодора Ландольф – мать Фомы Аквинского.]].

На небесах св. Доминик просил за него св. Бенедикта, потому что Слово Божие просило св. Доминика заботиться о христианском сознании. Св. Фома должен служить разуму, но так, как священник служит твари Божией. Он должен его учить, крестить, питать от Тела Господня, он должен праздновать брак Разума и Агнца. На белом камне, куске пемзы, который ему дали, чтобы утирать губы, он написал: истина.

Св. Фома – это, собственно говоря и прежде всего, апостол разума, и это первый довод в пользу того, чтобы рассматривать его как апостола нашего времени.

4. Второй довод – это то, что можно было бы назвать абсолютным господством истины в его душе и в его трудах, из чего вытекают три следствия: безупречная чистота его интеллекта, совершенная логическая строгость в сочетании с гармонией его учения и совершенным повиновением реальной действительности. Конечно же, каждый философ и каждый богослов жаждет истины. Но каждый ли жаждет ее с такой исключительной горячностью? Разумеется, существуют и индивидуальные претензии, и всяческие пороки, самолюбие, любопытство, тщетное желание новизны и оригинальности ради них самих, которые столь часто вредят исследованию. Но и кроме того, разве не бывает так, что желая истины, философ направляется также в другую сторону? В действительности бывает довольно редко, когда Единственная Истина поднимает его к вершинам разума. Гигантские звезды, другие трансценденции смешивают свое притяжение с ее притяжением и отвлекают мысль, отклоняют ее. И возникает серьезный беспорядок, ибо наука как таковая может управляться только тем, что истинно. Нет ли в глубине платонизма, в его отношении к метафизике, или в глубине учения Дунса Скота, в его отношении к богословию, некой тайной зависимости Красоты или Добра от Истины, Любви от Знания? У других здесь в игру вступают более земные мотивы: соображения удобства, легкости, приспособления к эпохе или к потребностям преподавания, а в более общем виде – к слабостям человеческой природы; сюда еще можно добавить плохо сдерживаемое беспокойство о практических последствиях, например, заботу о соблюдении компромисса между противоположными мнениями, принимаемую за мудрость, а на самом деле состоящую в поисках *medium virtutis*, золотой середины, между ошибкой и истиной, как между двумя противоположными пороками. Так истины приуменьшаются сынами человеческими.

Св. Фома сохраняет за истиной все ее величие, как подобает Сыну Божию. Философ и богослов, он признает только Истину, и разве не должны философия и Богословие, взятые как таковые, помнить только о Христе распятом? Для него вся упорядоченность только в бытии, он совершенно корректен и чист по отношению к своему объекту. Ничего иного, кроме доступных разуму необходимостей и требований высшего порядка, не участвует в определении его решений, даже если бы они были здесь для нас наиболее трудными, даже если бы они должны были заставлять людей говорить: *durus est hic sermo*[[XIV] – Тяжело слышать такие речи (лаг.).] Таким образом, его учение, если оно в сфере аналитики, *in via inventionis*[[XV] – на пути открытий (лат.).] целиком основывается на идее бытия, которая первой дана разуму, то в сфере обобщения, *in via iudicii*[[XVI] – на пути рассуждений (лат.).] оно полностью соотносится с идеей Бога, наипервейшей Истины, высшего объекта всякого духа[[3] – Ср.: Garrigou-Lagrange R. *La première donnee de l'intelligence // Melanges thomistes*, 1923.]. Св. Фома оставил свой след в мире и осветил все вещи, обретшие жизнь в разуме, блаженным светом. Это богословие миротворцев является в свете веры мощным движением мысли между двумя интуициями – интуицией бытия и первых принципов разума, из которых она исходит, как ей положено здесь, на земле, и интуицией явленного Бога, к которой она идет и которая будет ей дана позднее. Направляя дискурс к неизреченной высшей цели, богословие всегда остается рациональным, но в то же время оно учит разум не искать свою меру в самом себе и перед лицом тайн земных, таких как материя и сила, так же как и перед лицом тайн небесных, таких как влияние божественного предопределения на сотворенную свободу, требует от нас отдавать должное правам бытия на наш разум, так же как и божественному величию. Вот почему богословие так ясно и так универсально, так открыто и свободно, столь смело в своих утверждениях и так смиренно благоразумно, столь систематично и непристрастно, оно и несговорчиво, и внимательно ко всем проявлениям действительности, богато достоверными фактами, и весьма внимательно ко всему вероятному и неожиданному и в то же

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org время непреклонно непримиримо и наиболее далеко от всего человеческого знания. Его предмет трансцендентен, и оно стремится раствориться в нем.

Итак, я говорю, что св. Фома, даже идя таким путем, особым образом отвечает на потребности нашего времени. Сегодня дух подвергается столь серьезным опасностям, что никакие полумеры здесь не помогут. Для умов, перевернутых до самых глубин современными спорами и предъявляющих столь высокие требования к объектам их критики, многие компромиссы, имевшие успех в прежние времена, ныне утратили свою эффективность.

Если говорить только о философии, это особенно ощутимо, когда речь идет об основных вопросах, таких как различие между сущностью и существованием либо об аналогии бытия, о природе мыслительного процесса, о значении интуиции, направленной вовне, либо об отношении между разумом и волей.

Работа разрушительных сил сегодня столь стремительно идет вперед, что для победы над ними требуется учение, непримиримо строгое и в то же время настолько широкое, чтобы оно было в состоянии ответить на различные требования, которые из-за отсутствия путеводного света истощают современное мышление. Здесь оказывается, что нашим требованиям наиболее точно удовлетворяет не что иное, как абсолютизм истины, который и уместен, и «практичен»; это доктринальный радикализм, но радикализм, свободный от всякой узости, от всякой прямолинейности, от всякой партийности, от всякого фанатизма, а потому пребывающий в единстве с подлинным Абсолютом, с трансцендентностью Первоистины, из которой проистекают все вещи в бытии. Существует тысяча доктрин, могущих ухудшить состояние мышления, и только одно учение способно его оздоровить.

5. Томизм – и это третий довод, в силу которого св. Фома должен быть назван апостолом современности, – есть единственное учение, способное освободить разум от трех коренных ошибок, названных в начале этой главы.

Метафизически исследуя знание, к которому он относится с уважением, и – только он один – его исконную природу и таинственную нематериальность, ставя наши идеи в неразрывную связь с вещами путем интуитивного проникновения в их смысл и разрешая проблему всякого нашего знания через очевидность бытия и основные принципы, трансцендентное значение которых позволяет подняться до самого Бога, учение св. Фомы являет себя как мудрость, достаточно высокая для того, чтобы спасти разум от соблазнов агностицизма и противопоставить демону идеализма (уже порядком одряхлевшему) реализм, но реализм не наивный, а основательно критический.

Сознавая бесконечную высоту и бесконечную свободу Создателя в качестве радикального основания сотворенного бытия, утверждая, благодаря здравому пониманию универсального, значение природы и ее законов и показывая, что эта природа остается в глазах Бога в высшей степени податливой и в огромной степени поддающейся совершенствованию, полностью проницаемой для божественного воздействия, учение св. Фомы свело к абсурду постулат натуралистов и лицемерие метафизиков, которые, прячась за спиной положительных наук, пытаются придать твари божественные черты.

Учитывая, что само понятие разумного животного предполагает как величие, так и рабство, ставя человеческий разум на низшую ступень на шкале разумов, резко отвергая всякие его претензии уподобиться чистому духу, признавая собственную автономию, подобающую нам как обладателям духа, и зависимость, подобающую нам как тварям, как материальным творениям и как творениям падшим, оно, благодаря своей основе, основе ангельской, искореняет индивидуализм, который фактически приносит человеческую личность в жертву иллюзорному и всеистребляющему образу человека.

Именно св. Фома – и в этом его самое непосредственное благодеяние – возвращает разум к его объекту, ориентирует его на цель, возвращает его в лоно собственной природы. Он говорит ему, что он создан для бытия. Как же его не послушать? Это как если бы говорить глазу, что он создан для того, чтобы видеть, крыльям – что они созданы для того, чтобы летать. Мышление находит себя, находя свой объект; оно все приводит к бытию; в соответствии с тем, что вещи суверенным образом связаны со своим началом, оно превыше всего стремится к самому наличествующему Бытию.

В то же время ему возвращена простота видения; искусственные препятствия более не внушают опасений перед естественной очевидностью принципов, оно

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org восстанавливает связь философии и здравого смысла.

Разум, подчиняясь объекту, но подчиняясь ради достижения истинной свободы, ибо именно в этом состоянии подчиненности он проявляет себя наиболее живо и спонтанно, склоняясь перед словом учителей, но ради того, чтобы сделать более глубоким и совершенным собственное постижение объекта, ибо именно из любви к бытию он обращается к трудам многих веков за помощью и подкреплением, восстанавливает внутри себя сущностные иерархии и порядок своих добродетелей.

Философам вообще, а современным философам в особенности, делает честь то, что они, несмотря на все их заблуждения, любят разум, даже когда сами его разрушают. Но часто они любили его больше, чем Бога. Св. Фома любит Бога больше, чем разум, но он любит разум больше, чем все философы, вместе взятые. Вот почему он может его восстанавливать, напоминая ему о его обязанностях. Он освобождает его от малодушия, внушает смелость в обращении к высшим истинам. Он уводит его от суетной славы, призывая его мерить себя по мере вещей и прислушиваться к традиции. Он заново сообщает ему два взаимодополнительных свойства, которые были им утрачены: благородство и смирение.

6. Апостол разума, знаток истины, реставратор разумного порядка, св. Фома писал не для XIII века – он писал для нашего времени. Его время – это время духа, который доминирует на протяжении веков. Я утверждаю, что это современный автор, самый современный из всех мыслителей. Он так органично сливается с высоким светом мудрости, что по отношению к подчиненным наукам и их подвижным теням достигает свободы, которой не знал ни один философ: всякое осязаемое заимствование из науки XIII века может упасть, а его философско – метафизическое учение остается столь же чистым, как душа, расставшаяся с телом. И может быть, разорение, обязанное собой революциям, произведенным в науке начиная с Николая Орема, да Винчи и Галилея [XVII] – Орем, Никола (Oresme, Nicolas, 1323–1382) – франц. ученый. Разрабатывал теорию отношений, ввел дробные показатели степени. С его именем связывают первые попытки построения системы прямолинейных координат, введение понятия ускорения и средней скорости. Автор трудов по астрономии. Леонардо да Винчи (1452–1519) – итальянский живописец, ученый и инженер. Ему принадлежат многочисленные открытия в области математики, естествознания, механики; отстаивал мнение о решающем значении опыта в познании природы. Галилей, Галилее (1564–1642) – итальянский ученый, один из основателей современного экспериментально-теоретического естествознания. Заложил основы современной механики. В области астрономии активно защищал гелиоцентрическую систему мира, за что был подвергнут суду инквизиции, вынудившему его отречься от учения Коперника (в 1992 г. папа Иоанн Павел II объявил решение суда ошибочным и реабилитировал Галилея). Боролся против схоластики, считал основой познания опыт.], было необходимо для того, чтобы возвести томизм в ранг духовности, действенность которой на самом деле отвечает духовному подъему мысли самого св. Фомы. Он находится на перекрестке наших дорог, он держит ключ от проблем, которые сжимают наши сердца, он учит нас одерживать победу одновременно над антиинтеллектуализмом и рационализмом, над злом, которое принижает разум, опуская его ниже действительности, и над злом, которое возносит его над ней. Он открывает нам секрет подлинного гуманизма, высшего развития человеческой личности и интеллектуальных добродетелей, но в своей святости, а не в вожделинии, с помощью духа и креста, а не силой плоти. В эпоху, глубоко терзаемую страстями, слишком часто сбивавшуюся с пути и влекомую вниз, он всепоглощающей любовью и стучащим в груди сердцем проповедует единственное учение, утверждающее абсолютный и действенный примат милосердия в нашей жизни, и приглашает нас на празднество подлинной любви – я имею в виду сверхъестественное милосердие – не отрицая, однако, разума и его метафизического верховенства, не фальсифицируя само милосердие с помощью прагматизма, гуманизма или животной чувственности. Милосердие всегда должно возрастать в силу первой заповеди [XVIII] – В Евангелии от Матфея Иисус на вопрос одного из фарисеев – «какая наибольшая заповедь в законе?» – отвечает: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоею и всем разумением твоим» – сия же есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22, 35–40; аналог.: Мк 12, 28; Лк 10, 27)], вот почему совершенствование милосердия подпадает под заповедь, как цель, к которой каждый должен стремиться в соответствии со своими возможностями. Таков закон тяготения, который Ангельский Доктор преподает миру, настолько замороченному идеей прогресса, что он даже и не знает вообще, в чем же, собственно, прогресс

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org состоит.

Уже Гульельмо ди Токко [[XIX] – Гульельмо ди Токко (Guglielmo di Tocco, род. около 1238 – ум. между 1323 и 1325 гг.) – монах-доминиканец, быв. ученик Фомы Аквинского, генеральный инквизитор Неаполя (с 1309 г.), собирал документы о жизни св. Фомы в связи с его предстоящей канонизацией, автор первой биографии Фомы Аквинского.] не переставал настаивать на современности брата Фомы. По правде говоря, эта современность есть антипод той современности, которой ищут сегодня и в которой находят удовольствие. Св. Фома говорит нам новое случайно, желая сказать только то, что истинно, между тем как сегодня новое говорят тогда, когда хотят сказать нечто новое только потому, что оно новое, а если это будет также и истинно, то это уже случайно. Уже давно больше стремятся разрушать прошлое, а не улучшать его, и восславлять оригинальность каждого предмета, пытаясь приспосабливать мысль к объекту. Это полное ниспровержение порядка: такой метод по существу своему партикуляристский, негативный и по существу своему ретроградный. Все обретенные истины должны, таким образом, неизбежно исчезнуть одна за другой.

Напротив, метод св. Фомы является позитивным и универсальным по своей сути. Он действительно направлен на сохранение всего добытого человечеством, его объединение и совершенствование, и предназначен для обретения личностью философа полноты перед лицом истины объекта. Если он соглашается с Аристотелем, то не потому, что он видит в нем модного мыслителя, недавно освоенного арабами, а потому, что нашел в нем наилучшего истолкователя естественного разума, поставившего философию на соответствующий ей фундамент. И он следует ему, только постоянно критикуя его, совершенствуя и очищая в высшем свете, не в свете Аристотеля, а в свете воплощенной мудрости. Если он сражается с чересчур материалистическими учениками св. Августина [[XX] – о борьбе Фомы Аквинского со сторонниками св. Августина см.: Честертон Г. Вечный человек. М. 1991.], то не для того, чтобы сокрушить св. Августина, а затем, чтобы следовать ему, чтобы понять его живее, глубже и вернее, войти с ним в более совершенную духовную связь. И ни один богослов не обладал такой простой земной мудростью, от которой церковь, вдохновляемая свыше, прилежно поучалась. Вот почему Ангельский Доктор – это также общий Доктор Церкви. Всеобщий доктор! Это замечательное звание, которое показывает воистину сверхчеловеческое величие, ставит на положенное ему место наше жалкое самолюбие и отвечает на самые насущные потребности нашего времени. Ведь нам нужен не особенный Доктор, не Доктор-профессионал, не Доктор-оригинал, не Доктор, близкий нашей личности или нашей семье, не просвещенный Доктор, или благочестивый, или утонченный, или неопровержимый, или *facundus, resolutissimus, eximius, venerabilis inceptor* [[XXI] – красноречивый, необузданнейший, исключительный, почтенный зачинатель (лат.).] а всеобщий Доктор, общий Доктор Церкви. И он стоит на пороге нашей эпохи, предлагая нам целую корзину, тысячи и тысячи своих аргументов, священных плодов мудрости.

Да, он дал нашей современности нечто более значительное, чем множество легко заметных явлений материального порядка. По зову Церкви учение св. Фомы уже преподают или готовятся преподавать в католических школах и будущем клеркам; вот так, вырвавшись из древних фолиантов, где оно до срока хранилось в резерве, не старое, а молодое, как сама истина, оно обращается к миру, оно требует своего места, то есть первого места в интеллектуальной жизни века сего, оно кричит на площадях, оно провозглашает мудрость: *sapientia foris praedicat, in plateis dat vocem* [[XXII] – Мудрость снаружи вещает, на улицах голос подает (лат.).]. После долгого идеалистического искажения, которым мы обязаны Декарту и великой кантианской ереси, мы присутствуем при попытке реинтеграции философии бытия в западную цивилизацию. Любители парадоксов и нововведений должны были бы первыми воспользоваться этим.

Нам предстоит совершить весьма обширную, трудную и полную опасностей работу. Но это благородный риск, *kalos kindonos* [[XXIII] – Прекрасный риск (греч.).] и нам ли не подражать св. Фоме в том, что я назвал его современностью, в его новаторском дерзновении, в его интеллектуальной смелости, не боящейся риска во имя нового? Ибо это истинная правда, но в одном смысле более тонкая, чем считают поклонники Эволюции – что повсюду, где есть жизнь на земле, есть движение и обновление, риска избежать невозможно. Больше всего препятствий, которые необходимо преодолевать, содержит в себе не бунт, а как раз водворение порядка. Больше всего сил требует не разрушение, а созидание. Св. Фома Аквинский – герой разумного

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org порядка. Огромный философский и богословский труд, который он принял на себя в свое время и который требовал для своего благополучного завершения не только его гениальности, но и всей его осмотрительности и силы, всей совершенной целостности достоинств и даров его замечательной святости, – это гораздо более чудесный подвиг, чем самые прекрасные подвиги людей – это ангельский подвиг. Он говорил своему компаньону, что никогда не мог бы быть никем и ничем ни в Порядке, ни в Церкви. На его плечи легли все будущее христианской цивилизации и разума и самая великая миссия, которую когда-либо поручала Церковь кому-либо из своих детей.

И вот мы, столь ничтожные в тени этого гиганта, должны стать в какой-то мере причастны его духу, потому что мы его ученики. Но мы не такие уж дети, чтобы пытаться, как некоторые нам советуют, поступить с современными философами, такими как Декарт, Кант и Бергсон, как св. Фома поступил с Аристотелем, – принять их за своих учителей, согласиться с их принципами. Как будто можно проделывать с заблуждением то же, что и с истиной, как будто для того чтобы построить дом, нужно без конца переделять фундамент! Нет, от нас требовалось полностью отбросить принципы и дух современной философии – потому что они стремятся приравнять тварного человека к Богу – и полностью связать себя с принципами св. Фомы, храня им верность, которая никогда не будет достаточно чистой, не допуская никакого приуменьшения и никакого смещения, так как ассимиляция возможна, только если организм чист и целостен. Это значит осветить светом св. Фомы интеллектуальную жизнь нашего века, мыслить себе наше время в этом свете, стараться формировать, оживлять, направлять в этом свете все материальные сферы жизни, все, что столь богато тем драгоценным человеческим качеством, которое мир и его искусство, философия, наука приготавливали и, увы, расточали на протяжении четырех веков. Это значит попытаться спасти все, что есть еще жизнеспособного в современном мире и переосмыслить все это, чтобы привести в порядок, в совершенный порядок мудрости, эти движущиеся созвездия, эти млечные пути духа, которые под гнетом греха опускаются к распаду и смерти. Разумеется, я не думаю, чтобы такое мероприятие удалось полностью. Такая надежда говорила бы об огромных иллюзиях относительно человеческой природы и хода его истории, но необходимо и достаточно, чтобы были спасены добытые сокровища и чтобы все, кто любит истину, могли ее познать.

7. Как мы уже говорили, ничто низшее по отношению к разуму не способно излечить разум. Но из того, что здесь, на земле, лучше разума, следует назвать внушенное Богом милосердие. Если возврат к разумному порядку должен быть делом самого разума, то разуму в этом деле нужна помощь Того, кто есть основание его света и кто царствует в умах лишь силой милосердия. Если философия и богословие св. Фомы основаны и покоятся исключительно на объективных необходимостях, проявляющихся либо в естественном разуме, либо в разуме, освещенном верой, то разум человеческий слишком слаб по своей природе и подпорчен первородным грехом, а мысль св. Фомы отличается столь высокой интеллектуальностью, что действительно, для того чтобы нам, человеческим субъектам, эта мысль стала доступной, необходима сверхъестественная благодать, которая поддерживалась бы в нас благодаря высокой святости и уникальной миссии св. Фомы; и чтобы она жила и продолжала жить среди людей без искажений, нужно укрепление даров Святого Духа, данных каждому христианину и возрастающих вместе с возрастом святой благодати и милосердия.

Было бы серьезным самообольщением не признавать эти истины. Они, в частности, с распространением томизма стали даже более насущными. Когда это учение мудрости распространяется среди людей, то следует опасаться, как бы оно в один прекрасный день не стало такой же модой, как и софизмы ее противников. Разве сама система официального образования не начинает интересоваться всерьез учением св. Фомы, забыв о знаменитых сумерках и невежестве Средневековья? Я хочу сказать, что среди докторских диссертаций, хранящихся в Сорбонне, впечатляющее количество посвящено философии томизма. Мы себя с этим, разумеется, поздравляем. Но мы не скрываем, что если исследованием этой философии займутся умы, плохо подготовленные и переполненные новейшими предрассудками либо подверженные их влиянию, то возникнет риск изучения ее не в том свете, который ей подходит, а отсюда возможные ущербные, неполные по охвату и искажающие суть дела интерпретации. Мы с этим уже встречались, и не только в работах университетских историков.

Тому, как пресечь эту опасность, наставляет нас сам св. Фома, и своим учением, и, может быть еще эффективнее, собственным примером. Разве он не убедил своего товарища Регинальда [XXIV] – Регинальд (Реджинальд да

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org Пиперно) – монах, друг, секретарь и врач Фомы Аквинского, завершивший работу над его основным трудом «Сумма теологии».] в том, что своих знаний он достиг прежде всего с помощью молитвы? Разве каждый раз, когда он собирался изучать, спорить, писать или диктовать, он не прибегал прежде всего к таинству молитвы, разве не плакал перед Богом, чтобы научиться истине? Разве метафизическая мудрость и богословская мудрость не были у него ступеньками к трону премудрости Святого Духа? Разве этот величайший из Докторов не был вознесен к столь высокой мистической жизни, что после восторга от общения с Богом ему показался неинтересным человеческий способ познания? Он остро предчувствовал свет вечности и умер, не завершив свою работу.

О последних его трудах писали блестяще. В энциклике «*Studiorum ducem*» [[XXV] – «Руководство к научным занятиям» (лат.).] великолепно показано характерное для него единство жизни исследователя и молитвенника. В этом тайна и его святости, и его мудрости.

В этом тайна неповторимого величия его учения. Учение, говорит он нам, это плод деятельной жизни, и нужно признать, что в этой деятельности мы сталкиваемся со множеством трудностей и преград. Жизни духа, однако, грозит определенная опасность из-за грубого смешения понятий в педагогическом труде, которое всегда угрожает стать механическим, если не быть все время начеку.

Св. Фома был непревзойденным преподавателем, потому что он был более чем преподавателем, потому что у него педагогическое слово целиком нисходило только с высот созерцания.

Посмотрели бы вы на него во время великого диспута, который он победоносно провел в Париже накануне Пасхи 1270 года по тому пункту его учения, который более всего оспаривался – тезису о единичности субстанциальной формы – против Джона Пекхема, регента Ордена меньших братьев [[XXVI] – имеется в виду орден францисканцев. Орденом меньших братьев (миноритов) его назвал основатель этого нищенствующего монашеского ордена католиков св. Франциск Ассизский. Под этим названием в 1223 г. орден был утвержден папой римским.], впоследствии архиепископа Кентерберийского. Епископ Парижский, магистры богословия, доктора делали все для его поражения. Охваченные ревностью или сбитые с толку его спокойствием, с которым св. Фома расправлялся со священной рутинной, его взглядом, его речью, они не скупались на угрозы.

И действительно, им было чем возмущаться, так как св. Фома не был одним из них, его мудрость имела более высокое происхождение, она рождалась в самой чистой тишине истинной проповеди. *Nisi efficiamini sicut parvi* [[XXVII] – Если не стать как маленькие дети (лат.).]. Со всей своей ученостью этот великий богослов, исповедь которого, по свидетельству брата Регинальда, напоминала исповедь пятилетнего ребенка, выделялся среди них своей простотой, разумеется безоружной, но искренней, *naturala (de Deo nata)*; [[XXVIII] – Природная (от Бога прирожденная) (лат.).] не всезнающий, но смиренный и строгий, как сама невинность, он казался лицом и наружностью похожим на юного Христа среди учителей.

Вот таким образом исполнялось в нем святое слово, которое так или иначе должно являть свою истину каждому христианину и которое хочет, чтобы мудрость была дана малым, тем, кто «в их собственных глазах малые дети», как сказано в Книге Царств [[XXIX] – См. молитву царя Соломона к Богу (3 Цар 3, 7–8).], ибо Бог избрал «то, чего нет» и смешал «то, что есть», ибо знание, как и искусство, как вся высшая полнота человечности, не мешает святой душе, вопреки тому, что хотели бы внушить некоторые несостоятельные, внутренне убогие умы, ощущать себя крайне опустошенной и неуверенной, потому что все это есть для нее лишь чистое средство, и абсолютно ничто из всего этого не может служить опорой для надежды, которая проходит через все творение, чтобы утвердиться в одном Боге. Абсолютно ничто из всего этого не может принадлежать ей лично, укрепляя ее в ее собственном благе.

Связывая свою душу только с человеческими ранами Христа, этими вратами тайны его божественной сущности, Фома Аквинский, при всем своем интеллектуальном богатстве, был нищий духом; поскольку он знал все права Первоистины, он занимался наукой лишь для того, чтобы идти к мудрости, и вверял всего себя Духу Истины. Своей жизнью и своим учением он показал, что созерцательная жизнь лучше жизни деятельной, что она, будучи переполнена

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org апостольским служением, представляет собой просто-напросто наиболее совершенное состояние, что созерцание святых лучше, чем умозрение философов, что самая высокая интеллектуальность не принижается, а укрепляется и восходит к вершине разума через смирение, через познание крестного пути. Здесь св. Фома преподает мышлению наилучший урок, ведущий его к спасению, чем еще раз заслуживает имени апостола наших дней, который, как представляется, так много дал интеллектуальности и который, вместе с тем, убийственно недооценили самую ее суть – оскудение интеллектуальности введет к разрыву союза между умственной и духовной жизнью, так что самая большая потребность, которая сегодня более или менее смутно ощущается, это потребность в его восстановлении.

Глава III

8. Существует еще один, последний, довод, чтобы назвать св. Фому Аквинского апостолом наших дней. Апостол – это не только тот, кто послан в мир проповедовать слово Божие невеждам или неверным, чтобы обращать души к истине и пополнять таким образом мистическое тело Спасителя. Апостол – это также и тот, кто сохраняет и приумножает веру в душах, тот, кто дан Церкви, чтобы быть ее столпом, оплотом и светом и служить в ранге учителя истины для возрастания таинственной жизни благодати и святости. Известна совершенно особая роль, сыгранная в этом отношении в наше время тем, кого Церковь поминает в праздничных молитвах, замечательные знания которого освещают ее, святая деятельность которого оплодотворяет ее, и о котором она молится Богу, прося его помочь нам постичь это учение *et quae docuit intellectu conspicerere* [XXX] – и которая учит постижению умом (лат.).]. Следовательно, образ является здесь как высшее проявление божественного искусства, внимательно относящегося к совершеннейшему представлению облика святых: князь метафизики и священного знания – это также Доктор Евхаристии. Таким образом он совершает и завершает свое служение вечному Слову, Слову, просвещающему умы, Слову – эталону сокровища, Слову, нисходящему в плоть и скрывающемуся между нами за белизной хлеба. Вот божественное могущество, вот благосклонность и гуманизм Истины, которой оно служит нам и которой мы служим, и которое хочет, чтобы мы были призваны не только как его служители, но и как его друзья, *vos dixi amicos* [XXXI] – Я вас назвал друзьями (лат.).]. Это та же Истина, которая хочет открыться нам всем, явиться нам в своем свете и сущности и в ожидании этого предстает в свете через учение и созерцание и в сущности – через Евхаристию. Распределяемая, разделяемая на всех путем преподавания или таинства, она остается целостной и нерушимой. Здесь она объединяет умы светом, исходящим от вечного Слова, там она объединяет мистическое тело Христово причастием Телу и Крови воплощенного Слова. И разве не с одинаковой любовью св. Фома заботится о своей безупречности как автора собственного учения, мирского приобщения к Первоистине, и благоговеет перед ее присутствием в акте Причастия, где Первоистина пребывает в личности? Он держит ее в руках, эту Истину, он любит ее, он ее созерцает с замиранием сердца. И вот один Папа просит его воспеть эту великую тайну веры перед лицом всей Церкви, а другой Папа, шесть с половиной веков спустя, присваивает ему звание Евхаристического Доктора [XXXII] – В 1274 г. папа Григорий X созвал в Лионе вселенский собор, в котором приняли участие около 500 епископов не только западной, но и восточной ветвей христианской церкви, так как в замысел папы входила попытка воссоединить восточное и западное христианство. Для участия в этом соборе Григорий X пригласил и Фому Аквинского. Тот согласился и отправился в Лион, но по дороге внезапно заболел и скончался в бенедиктинском монастыре в Фоссануове 7 марта 1274 г... Спустя шесть веков в 1879 г. папа Лев XIII издал энциклику «*Aeterni Patris*» («Отцу вечному»), в которой обратился к памяти и авторитету св. Фомы и признал его философскую систему «единственно истинной философией» католицизма.]. Итак, мощное усиление благоговения перед Святым Причастием, предшествующее благоговению перед Святым Сердцем и скрывающее его, разве не в этом основная особенность католического благочестия в наше время? Разве праздник Тела Христова [XXXIII] – Католический праздник Пресвятою Тела и Крови Христа отмечается 3 июня.] не является для Церкви великим современным праздником? Разве в то время как мир опускается, Церковь, обладающая силой вознесения к Его сердцу, не собирает души со все большей и большей материнской настойчивостью вокруг Тела Господня? Евхаристический Доктор, святой Фома состоит в высочайшем ранге апостола и учителя современной нам эпохи. Из уст многих христиан мы слышим божественные песнопения, исшедшие из души и уст Богослова. Я только что говорил, что он оставил позади себя всех магов. За ним следует весь верующий народ. Со святыми дарами в руках он шагает впереди времен.

9. Если св. Фома Аквинский является для нас всем тем, что мною было сказано, с каким доверием мы должны обратиться к нему, прося открыть секрет мудрости и апостольского торжества над современным миром? Будем держаться за его плащ и не отпустим, пока он не откроет нам этого секрета. Церковь голосом апостола Петра поддерживает нас в этой необычайной настойчивости. Неужели мы не внемлем ее призывам?

Если вы ищете истину, провозглашает она, следуйте этому учению. Указую вам дорогу, идите же, откройте глаза, смотрите сами.

Пожалею тех, кто, не умея видеть или имея предубежденный взгляд, не хочет допустить, что его собственное зрение, возможно, нуждается в лечении путем учебы и молитвы, и предпочитает думать, что это у Церкви Божией соринка в глазу.

Но для тех, кто хочет по призыву Церкви отправиться в школу святого Фомы, заметим, что есть два способа изучения его трудов. И если правда, что человек приходит в науку, только получив образование, то верно, что Фома Аквинский – Общий Доктор Церкви, после Иисуса Христа, Учитель в самом высоком смысле этого слова, вечно живой Учитель, который в недрах благодатного видения бодрствовал, создавая свое учение и этим оживотворял души; тогда надо говорить о двух способах изучения св. Фомы, из которых один – путь святости, а другой порочен в принципе. Я живо это чувствую и хотел бы любой ценой убедить в этом учащуюся молодежь. Есть способ изучения св. Фомы, состоящий в том, чтобы прочесть сначала Канта, Бергсона и Блонделя, затем Отцов Церкви, затем Авиценну и Аверроэса, потом, в случае надобности, Петра Ломбардского [XXXIV] – Петр Ломбардский (Petrus Lombardus) (ок. 1100–1160) – итал. схоласт, епископ (с 1159 г.). В четырех «Книгах сентенций» (Sententiarum libri IV) суммировал изречения теологических авторитетов, положив начало понятию и жанру «суммы». Эта литературная форма была воспринята и развита последующими теологами и философами.] и Александра Гэльского [XXXV] – Александр Гэльский (Alexander Halensis) (1170/1180–1245) – англ. схоласт, принадлежал к монашескому ордену францисканцев. Известен своим динамико-реалистическим учением об идеях. Его главный труд «Summa theologiae» был издан по указу Папы после смерти автора, и это сыграло большую роль в углублении доказательства бытия Божия в духе Аристотеля и св. Августина., а затем, наконец, св. Фому в хронологическом порядке (все это, разумеется, в отрывках, поскольку жизнь коротка), чтобы рассмотреть св. Фому в свете современной философии и распознать, что он получил от своих предшественников, в чем он их дополнил, что он создал сам и чем он дополнил сам себя в процессе своей индивидуальной эволюции. Этот метод, принятый за правило интеллектуального ученичества, тщетен и бесплоден. Потому что он требует говорить о св. Фоме как об объекте суждения и действует так, как если бы знание уже имелось, в то время как речь идет о добывании знания.

При условии, что исследования проводятся в необходимом свете и что от них не ждут слишком многого, такие изыскания и сопоставления могут быть полезными и необходимыми – особенно углубленное изучение современных философов, но если речь идет о тех, кто далеко не новичок в науке? Начинающие от подобных штудий могут обрести повод для гордыни, но не знания.

Другой метод состоит в том, чтобы действительно стать по отношению к св. Фоме в положение живого человека, который получает то, что дает другой живой человек, обращенный к нему лицом, образываемый и просвещаемый тем, кто образывает и просвещает: чтобы св. Фома научил нас думать и видеть, чтобы идти вперед под его руководством в познании разумного мироздания. Этот метод хорош и плодотворен, он ставит душу в ее истинное положение, чтобы вести ее к познанию истины вещей.

Если мы останемся верными ему, этот метод разовьет в нас глубокое чувство любви к животворной мысли св. Фомы и к самому тексту, с его чудесной ясностью и особым сочетанием света и простоты, которое выше любых комментариев, посильных сегодняшней мысли. Он научит нас изучать этот текст целостно и следуя порядку статей. Он также научит нас, по мере развития, томистскому *habitus*, правильному использованию трудов его великих комментаторов и выделению в формальной стороне дела подлинной традиции, которая нам нужна для понимания столь совершенного высокого учения. Ибо мысль св. Фомы исключительно широка и глубока. Чтобы проникнуть в жизненную

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org силу ее существа, а также ответить на новые трудности, возникшие с течением времени, и обучить нас, будет ли достаточно одного его письменного слова, такого точного и ясного? Не надо ли, чтобы нам предварительно объяснили нас самих через движение и развитие живого организма, приоткрыли тайные пружины с их четкой иерархией, управляющие этим огромным духовным миром? И если правда, как говорит Платон, что сочинение, которое не может само себя защитить и само себя объяснить, нуждается в постоянной помощи своего автора, то мы думаем, не дал ли Бог св. Фоме возможность всегда приходить на помощь своему учению через традицию и сообщать нам его дух? Именно в этом смысле Папа Лев XIII, рекомендуя нам в энциклике «*Aeterni Patris*» изучать доктрину св. Фомы в самом живом источнике – его произведениях, *ex ipsis ejus fontibus*, советовал нам также утолять жажду из чистых и светлых вод этого источника, *rivi integri et illumes*, и обходить другие потоки, в которые добавлено много чуждых и нецелебных вод, *rivi qui exinde fluxisse dicuntur, re autem alienis et non salubribus aquis creverunt*.

Но при всех личных дарованиях и всевозможной человеческой помощи со стороны традиции, комментаторов и толкователей мы ничего не выигрываем, если даже то, что является объектом и целью разума, пределом его естественной склонности, не является также объектом и пределом нашей добровольной склонности, желания, которое целиком влечет нас к нашему благу; мы ничего не выиграем, если мы не будем любить истину от всего сердца, если не попытаемся любить ее так, как любил ее он сам, этот великий Доктор, спокойные глаза которого источали слезы – так тяжело было у него на душе в ожидании видения.

Если мы любим истину всей душой, если мы понимаем, что мир изнемогает от жажды, если мы готовы отдать все ради утоления этой жажды, если мы любим истину в Церкви, если мы понимаем значение слов Бенедикта XV, повторенных Пием XI: «Церковь провозгласила, что учение св. Фомы есть ее собственное учение», тогда нас не слишком задержат трудности обучения, и мы сможем надеяться приобщиться к свету св. Фомы, действительно понять – *intellectu conspiciere*[[XXXVI] – постижение разумом (лат.)] – вещи, которым он учил, и принять участие, по мере наших – столь слабых – сил в этой всеобщей работе по возрождению в истине, которую совершал Учитель истории.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Pie XI. Encicl. «*Studiorum ducem*».

[2] Согласно справедливому замечанию П. Петито, можно сказать, что св. Фома Аквинский, который велел читать ему ежедневно доклады Кассиана, всегда глубоко вникал в суть бенедиктинской духовности, столь мало рефлексивной, столь мало занимавшейся «психологией».

[3] Ср.: Garrigou-Lagrange R. *La premiere donnee de l'intelligence* // *Melanges thomistes*, 1923.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод выполнен с издания: Maritain J. *Saint Thomas, apotre des temps modernes* // *Maritain J. Oeuvres* (1912–1929). – [Paris]: Desclee De Brouwer, 1975. P. 197–225.

[1] Первейшая истина – Иисус Христос, который говорил о себе: «я есмь путь и истина и жизнь (Ин, 14, 6; см. также Ин, I, 17).

[2] «Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф 6 13).

[3] Автаркия, автономия (греч.).

[4] Истина сделает вас свободными (Ин, 8, 32).

[5] Слово мудрости (лат.).

[6] Ангельский доктор (*Doctor angelicus*) – звание, посмертно присвоенное Фоме Аквинскому Католической церковью.

[7] Святой Людовик – король Франции (1226–1270) Людовик IX Святой.

[8] Немой Бык, Сицилийский Бык – прозвища св. Фомы Аквинского, полученные им в годы обучения в Парижском университете за высокий рост,

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org
неповоротливость, полноту и редкое участие в дискуссиях.

[9] Монастырь Монте-Кассино – главный монастырь ордена бенедиктинцев. Расположен на середине пути из Рима в Неаполь на месте святилища Аполлона. Основан в 529 г, св. Бенедиктом. Объявлен национальным памятником.

[10] Орден бенедиктинцев был основан в начале VI в. св. Бенедиктом Иурсийским. В соответствии с Уставом ордена было предусмотрено постоянное пребывание его члена в монастыре, повиновение выборному аббату и общность имущества. Среди занятий видное место отводилось литературным трудам.

[11] Доминиканцы – члены нищенствующего монашеского ордена, основанного в, 1215 г. св. Домиником де Гусманом (Испания). Главной целью ордена считалась борьба против распространения еретических учений. Поэтому члены ордена готовились к полемическим дискуссиям, для чего требовалась большая теологическая подготовка. В результате члены ордена буквально заполнили все богословские кафедры в университетах, а затем подчинили своему влиянию и всю систему образования в Западной Европе. В 1233 г. инквизиция была фактически передана доминиканцам. Широко развернулась и миссионерская деятельность ордена, которая затем стала его многовековой традицией.

[12] Облат- человек, живущий в монастыре и предоставивший ему свое имущество (франц.).

[13] Графиня Теодора Ландольф – мать Фомы Аквинского.

[14] Тяжело слышать такие речи (лаг.).

[15] На пути открытий (лат.).

[16] На пути рассуждений (лат.).

[17] Орем, Никола (Oresme, Nicolas, 1323–1382) – франц. ученый. Разрабатывал теорию отношений, ввел дробные показатели степени. С его именем связывают первые попытки построения системы прямолинейных координат, введение понятия ускорения и средней скорости. Автор трудов по астрономии.

Леонардо да Винчи (1452–1519) – итальянский живописец, ученый и инженер. Ему принадлежат многочисленные открытия в области математики, естествознания, механики; отстаивал мнение о решающем значении опыта в познании природы.

Галилей, Галилее (1564–1642) – итальянский ученый, один из основателей современного экспериментально-теоретического естествознания. Заложил основы современной механики. В области астрономии активно защищал гелиоцентрическую систему мира, за что был подвергнут суду инквизиции, вынудившему его отречься от учения Коперника (в 1992 г. папа Иоанн Павел II объявил решение суда ошибочным и реабилитировал Галилея). Боролся против схоластики, считал основой познания опыт.

[18] В Евангелии от Матфея Иисус на вопрос одного из фарисеев – «какая наибольшая заповедь в законе?» – отвечает: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоею и всем разумением твоим» – сия же есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22, 35–40; аналог.: Мк 12, 28; Лк 10, 27)

[19] Гульельмо ди Токко (Guglielmo di Tocco, род. около 1238 – ум. между 1323 и 1325 гг.) – монах-доминиканец, быв. ученик Фомы Аквинского, генеральный инквизитор Неаполя (с 1309 г.), собирал документы о жизни св. Фомы в связи с его предстоящей канонизацией, автор первой биографии Фомы Аквинского.

[20] О борьбе Фомы Аквинского со сторонниками св. Августина см.: Честертон Г. Вечный человек. М. 1991.

[21] Красноречивый, необузданнейший, исключительный, почтенный зачинатель (лат.).

[22] Мудрость снаружи вещает, на улицах голос подает (лат.).

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org
[23] Прекрасный риск (греч.).

[24] Регинальд (Реджинальд да Пиперно) – монах, друг, секретарь и врач Фомы Аквинского, завершивший работу над его основным трудом «Сумма теологии».

[25] «Руководство к научным занятиям» (лат.).

[26] Имеется в виду орден францисканцев. Орденом меньших братьев (миноритов) его назвал основатель этого нищенствующего монашеского ордена католиков св. Франциск Ассизский. Под этим названием в 1223 г. орден был утвержден папой римским.

[27] Если не стать как маленькие дети (лат.).

[28] Природная (от Бога прирожденная) (лат.).

[29] См. молитву царя Соломона к Богу (3 Цар 3, 7–8).

[30] И которая учит постижению умом (лат.).

[31] Я вас назвал друзьями (лат.).

[32] В 1274 г. папа Григорий X созвал в Лионе вселенский собор, в котором приняли участие около 500 епископов не только западной, но и восточной ветвей христианской церкви, так как в замысел папы входила попытка воссоединить восточное и западное христианство. Для участия в этом соборе Григорий X пригласил и Фому Аквинского. Тот согласился и отправился в Лион, но по дороге внезапно заболел и скончался в бенедиктинском монастыре в Фоссануове 7 марта 1274 г... Спустя шесть веков в 1879 г. папа Лев XIII издал энциклику «Aeterni Patris» («Отцу вечному»), в которой обратился к памяти и авторитету св. Фомы и признал его философскую систему «единственно истинной философией» католицизма.

[33] Католический праздник Пресвятою Тела и Крови Христа отмечается 3 июня.

[34] Петр Ломбардский (Petrus Lombardus) (ок. 1100–1160) – итал. схоласт, епископ (с 1159 г.). В четырех «книгах сентенций» (Sententiarum libri IV) суммировал изречения теологических авторитетов, положив начало понятию и жанру «суммы». Эта литературная форма была воспринята и развита последующими теологами и философами.

[35] Александр Гэльский (Alexander halensis) (1170/1180–1245) – англ. схоласт, принадлежал к монашескому ордену францисканцев. Известен своим динамико-реалистическим учением об идеях. Его главный труд «Summa theologica» был издан по указу Папы после смерти автора, и это сыграло большую роль в углублении доказательства бытия Божия в духе Аристотеля и св. Августина.

[36] Постигание разумом (лат.).

Примечания

[1]

Pie XI. Encicl. «Studiorum ducem».

[2]

Согласно справедливому замечанию П. Петито, можно сказать, что св. Фома Аквинский, который велел читать ему ежедневно доклады Кассиана, всегда глубоко вникал в суть бенедиктинской духовности, столь мало рефлексивной, столь мало занимавшейся «психологией».

[3]

Ср.: Garrigou-Lagrange R. La premiere donnee de l'intelligence // Melanges thomistes, 1923.

[I]

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org
Первейшая истина – Иисус Христос, который говорил о себе: «Я есмь путь и истина и жизнь (Ин, 14, 6; см. также Ин, I, 17).

[II]

«Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф 6 13).

[III]

Автаркия, автономия (греч.).

[IV]

Истина делает вас свободными (Ин, 8, 32).

[V]

Слово мудрости (лат.).

[VI]

Ангельский доктор (Doctor angelicus) – звание, посмертно присвоенное Фоме Аквинскому Католической церковью.

[VII]

Святой Людовик – король Франции (1226 1270) Людовик IX Святой.

[VIII]

Немой Бык, Сицилийский Бык – прозвища св. Фомы Аквинского, полученные им в годы обучения в Парижском университете за высокий рост, неповоротливость, полноту и редкое участие в дискуссиях.

[IX]

Монастырь Монте-Кассино – главный монастырь ордена бенедиктинцев. Расположен на середине пути из Рима в Неаполь на месте святилища Аполлона. Основан в 529 г, св. Бенедиктом. Объявлен национальным памятником.

[X]

Орден бенедиктинцев был основан в начале VI в. св. Бенедиктом Иурсийским. В соответствии с Уставом ордена было предусмотрено постоянное пребывание его члена в монастыре, повиновение выборному аббату и общность имущества. Среди занятий видное место отводилось литературным трудам.

[XI]

Доминиканцы – члены нищенствующего монашеского ордена, основанного в, 1215 г. св. Домиником де Гусманом (Испания). Главной целью ордена считалась борьба против распространения еретических учений. Поэтому члены ордена готовились к полемическим дискуссиям, для чего требовалась большая теологическая подготовка. В результате члены ордена буквально заполонили все богословские кафедры в университетах, а затем подчинили своему влиянию и всю систему образования в Западной Европе. В 1233 г. инквизиция была фактически передана доминиканцам. Широко развернулась и миссионерская деятельность ордена, которая затем стала его многовековой традицией.

[XII]

Облат- человек, живущий в монастыре и предоставивший ему свое имущество (франц.).

[XIII]

Графиня Теодора Ландольф – мать Фомы Аквинского.

[XIV]

Тяжело слышать такие речи (лаг.).

[XV]

На пути открытий (лат.).

[XVI]

На пути рассуждений (лат.).

[XVII]

Орем, Никола (Oresme, Nicolas, 1323–1382) – франц. ученый. Разрабатывал теорию отношений, ввел дробные показатели степеней. С его именем связывают первые попытки построения системы прямолинейных координат, введение понятия ускорения и средней скорости. Автор трудов по астрономии.

Леонардо да Винчи (1452–1519) – итальянский живописец, ученый и инженер. Ему принадлежат многочисленные открытия в области математики, естествознания, механики; отстаивал мнение о решающем значении опыта в познании природы.

Галилей, Галилее (1564–1642) – итальянский ученый, один из основателей современного экспериментально-теоретического естествознания. Заложил основы современной механики. В области астрономии активно защищал гелиоцентрическую систему мира, за что был подвергнут суду инквизиции, вынудившему его отречься от учения Коперника (в 1992 г. папа Иоанн Павел II объявил решение суда ошибочным и реабилитировал Галилея). Боролся против схоластики, считал основой познания опыт.

[XVIII]

В Евангелии от Матфея Иисус на вопрос одного из фарисеев – «какая наибольшая заповедь в законе?» – отвечает: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душою твоею и всем разумением твоим» – сия же есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22, 35–40; аналог.: Мк 12, 28; Лк 10, 27)

[XIX]

Гульельмо ди Токко (Guglielmo di Tocco, род. около 1238 – ум. между 1323 и 1325 гг.) – монах-доминиканец, быв. ученик Фомы Аквинского, генеральный инквизитор Неаполя (с 1309 г.), собирал документы о жизни св. Фомы в связи с его предстоящей канонизацией, автор первой биографии Фомы Аквинского.

[XX]

О борьбе Фомы Аквинского со сторонниками св. Августина см.: Честертон Г. Вечный человек. М. 1991.

[XXI]

Красноречивый, необузданнейший, исключительный, почтенный зачинатель (лат.).

[XXII]

Мудрость снаружи вещает, на улицах голос подает (лат.).

[XXIII]

Прекрасный риск (греч.).

[XXIV]

Регинальд (Реджинальд да Пиперно) – монах, друг, секретарь и врач Фомы Аквинского, завершивший работу над его основным трудом «Сумма теологии».

[XXV]

«Руководство к научным занятиям» (лат.).

[XXVI]

Имеется в виду орден францисканцев. Орденом меньших братьев (миноритов) его назвал основатель этого нищенствующего монашеского ордена католиков св. Франциск Ассизский. Под этим названием в 1223 г. орден был утвержден папой римским.

[XXVII]

Если не стать как маленькие дети (лат.).

[XXVIII]

Природная (от Бога прирожденная) (лат.).

[XXIX]

См. молитву царя Соломона к Богу (3 Цар 3, 7–8).

[XXX]

Маритен Жак Святой Фома, апостол современности filosoff.org
И которая учит постижению умом (лат.).

[XXXI]

Я вас назвал друзьями (лат.).

[XXXII]

В 1274 г. папа Григорий X созвал в Лионе вселенский собор, в котором приняли участие около 500 епископов не только западной, но и восточной ветвей христианской церкви, так как в замысел папы входила попытка воссоединить восточное и западное христианство. Для участия в этом соборе Григорий X пригласил и Фому Аквинского. Тот согласился и отправился в Лион, но по дороге внезапно заболел и скончался в бенедиктинском монастыре в Фоссануове 7 марта 1274 г... Спустя шесть веков в 1879 г. папа Лев XIII издал энциклику «Aeterni Patris» («Отцу вечному»), в которой обратился к памяти и авторитету св. Фомы и признал его философскую систему «единственно истинной философией» католицизма.

[XXXIII]

Католический праздник Пресвятою Тела и Крови Христа отмечается 3 июня.

[XXXIV]

Петр Ломбардский (Petrus Lombardus) (ок. 1100–1160) – итал. схоласт, епископ (с 1159 г.). В четырех «Книгах сентенций» (Sententiarum libri IV) суммировал изречения теологических авторитетов, положив начало понятию и жанру «суммы». Эта литературная форма была воспринята и развита последующими теологами и философами.

[XXXV]

Александр Гэльский (Alexander halensis) (1170/1180–1245) – англ. схоласт, принадлежал к монашескому ордену францисканцев. Известен своим динамико-реалистическим учением об идеях. Его главный труд «Summa theologica» был издан по указу Папы после смерти автора, и это сыграло большую роль в углублении доказательства бытия Божия в духе Аристотеля и св. Августина.

[XXXVI]

Постижение разумом (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!